

УДК 94 (437) (328)"1939/1944"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/61/11

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНОФИЛЬСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В ПРОТЕКТОРАТЕ БОГЕМИИ И МОРАВИИ

О.Г. Казак

Минский городской педагогический колледж

Беларусь, 220114, г. Минск, ул. Макаёнка, 29

E-mail: olegkazak90@tut.by

Авторское резюме

В статье рассматриваются основные направления деятельности украинофилов из Подкарпатской Руси, которые после неудачной попытки провозглашения независимого украинского государства и оккупации региона венгерскими войсками (март 1939 г.) оказались на территории протектората Богемии и Моравии. Основу источниковой базы работы составили документы архива Канцелярии президента республики (прежде всего, письма и меморандумы бывших членов автономного кабинета А. Волошина президенту протектората Э. Гахе с просьбами о финансовой поддержке), Венгерского национального архива (отчет полицейского капитаната Ужгорода Восьмому отделу Министерства внутренних дел Венгрии о переписке А. Волошина с украинофильскими деятелями в Подкарпатской Руси). На основании анализа различных источников делается вывод о том, что большинство инициатив украинофильских эмигрантов (создание развитой сети проукраинских эмигрантских организаций в протекторате Богемии и Моравии, попытки добиться от властей протектората финансовой помощи для бывших чиновников периода Карпатской Украины, вмешательство в общественную жизнь оккупированной Венгрией Подкарпатской Руси, налаживание контактов с официальным Берлином) не имели успеха. Власти протектората не без основания подозревали украинофильских эмигрантов в антигосударственных (с точки зрения чехов) настроениях, элита нацистской Германии не рассматривала А. Волошина и его сторонников в качестве равноправных стратегических партнеров. Попытки проживавших в протекторате украинофилов создать сеть своих симпатизантов в Подкарпатской Руси были пресечены венгерской полицией.

Ключевые слова: русины, украинофилы, эмиграция, протекторат Богемии и Моравии, Подкарпатская Русь, национально-культурная жизнь.

ACTIVITIES OF UKRAINOPHILE EMIGRANTS FROM SUBCARPATHIAN RUS IN THE PROTECTORATE OF BOHEMIA AND MORAVIA

O.G. Kazak

Minsk City Pedagogical College

29 Makajonka Street, Minsk, 220114, Belarus

E-mail: olegkazak90@tut.by

Abstract

The article discusses the main activities of Ukrainophiles from Subcarpathian Rus, which after an unsuccessful attempt to proclaim an independent Ukrainian state and occupation of the region by Hungarian troops (March 1939) ended up in the Protectorate of Bohemia and Moravia. The author draws on the documents of the Archive of the President's Office (letters and memoranda of former members of A. Voloshin's autonomous cabinet to the Protectorate President E. Hacha with requests for financial support), the Hungarian National Archives (report of the police department of Uzhhorod to the Eighth Department Hungarian Ministry of Internal Affairs about the correspondence of A. Voloshin with Ukrainophile figures in Subcarpathian Rus). Having analysed various sources, the author concludes about the failure of the most initiatives of Ukrainian emigrants (creation of a developed network of pro-Ukrainian emigrant organizations in the Protectorate of Bohemia and Moravia, attempts to obtain financial support from the Protectorate authorities for former officials of the Carpathian Ukraine, interference in public life in Subcarpathian Rus occupied by Hungary, contacts with official Berlin). The authorities of the Protectorate of Bohemia and Moravia rightly suspected Ukrainophile emigrants of anti-state positions (from the point of view of the Czechs); the elite of Nazi Germany did not consider A. Voloshin and his supporters as equal strategic partners. The attempts of Ukrainophiles living in the Protectorate to create a network of their sympathizers in Subcarpathian Rus were suppressed by the Hungarian police.

Keywords: Rusins, Ukrainophiles, emigration, Protectorate of Bohemia and Moravia, Subcarpathian Rus, national and cultural life.

Период существования Карпатской Украины (октябрь 1938 – март 1939 г.) – непростой и противоречивый этап украинской истории. Функционирование автономного проукраинского правительства Подкарпатской Руси (Карпатской Украины) под руководством А. Волошина подробно исследовано в историографии (в первую очередь, украинской). В то же время деятельность Волошина и его приближенных после оккупации Подкарпатской Руси Венгрией не изучена на должном уровне, что значительно усложняет понимание природы украинского национального движения в Карпатском регионе.

Вплоть до середины XX в. украинская модель идентичности восточнославянского населения Подкарпатской Руси, несмотря на значительное распространение, не являлась единственной и безальтернативной. Значительное число жителей края считало свой народ – русинов – частью общерусского культурного и цивилизационного единства. Термины «украинофилы» и «русифилы» в отношении общественных деятелей Подкарпатской Руси означают лиц, которые отождествляли себя и свой народ с украинцами или русскими соответственно. Употребление данных терминов подчеркивает незавершенность процесса формирования национального самосознания в регионе, что выразилось в отсутствии единого автоэтнонима у автохтонного населения. Данная терминология (в т. ч. это касается исследуемого исторического периода) используется в работах таких авторитетных русинистов, как П.Р. Магочий, К.В. Шевченко, М.Ю. Дронов, И.И. Поп.

Цель статьи – определение основных векторов деятельности украинофильских эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии. Достижение данной цели предполагает решение ряда задач:

- выявить причины неудач большинства инициатив украинофилов по институционализации своего движения в протекторате и финансовому обеспечению бывших чиновников Карпатской Украины;
- проанализировать политические проекты переустройства Европы, предложенные А. Волошиным и его окружением;
- охарактеризовать контакты Волошина со своими единомышленниками в оккупированной Венгрией Подкарпатской Руси.

Выбор темы статьи обусловлен отсутствием в исследованиях комплексного анализа важных для понимания деятельности украинофильских эмигрантов в протекторате Богемии и Моравии документов из архивных фондов Чехии и Венгрии. Теоретическая значимость статьи заключается в выявлении основных характеристик деятельности А. Волошина и его сподвижников в 1939–1945 гг., что содействует формированию более точного понимания места украинской

эмиграции в международных событиях периода Второй мировой войны. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для дальнейших научных разработок истории Украины, проблем международных отношений в Центральной Европе.

Основу источниковой базы составили документы архива Канцелярии президента республики (Чехия) и Венгерского национального архива. Кроме того, в статье использованы выдержки из мемуаров свидетелей событий (А. Штефана, В. Бирчака) и политического завещания А. Волошина. В статье применены следующие методы: историко-генетический (рассматриваются различные периоды функционирования проукраинских институтов и активности отдельных деятелей), историко-системный (инициативы украинофилов в протекторате анализируются в более широком контексте международной политики и национально-культурной обстановки в Центральной Европе), метод контент-анализа (определены основные смысловые конструкции в документах украинофильских эмигрантов, затем проведена интерпретация результатов).

Проблематике деятельности украинофильских эмигрантов в протекторате Богемии и Моравии посвящен ряд работ (преимущественно украинских историков). В монографиях Н. Вегеша, В. Туряницы, С. Федаки содержится информация о пражском периоде жизни и деятельности А. Волошина, исследование Н. Мушинки посвящено личности С. Клочурака. О политических проектах геополитического переустройства Европы, выработанных А. Волошиным и его соратниками, идет речь в монографиях и статьях Р. Официнского, М. Мандрик, П.Р. Магочия. Важные сведения об институциях эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате содержатся в диссертационной работе чешского историка Д. Губены. В статье использована информация о событиях в Подкарпатской Руси осенью 1938 – весной 1939 г., содержащаяся в работах украинских историков Н. Вегеша и С. Виднянского, российских авторов А.И. Пушкаша и К.В. Шевченко, польских исследователей М. Ярнецкого и П. Колаковского.

Одновременно с поддержкой части радикального украинского движения в Подкарпатской Руси, представители которого рассчитывали на помощь Гитлера в деле построения независимого государства, руководство Германии вело активные переговоры с дипломатами Венгрии относительно будущего края. 16 января 1939 г. на встрече министра иностранных дел Венгрии И. Чаки с А. Гитлером фактически было озвучено принципиальное признание Германией интересов Венгрии в регионе [7: 150–154]. Попытка А. Волошина воспользоваться окончательным крахом чехословацкой государственности и

объявить независимость Карпатской Украины под протекторатом Германии не имела шансов на успех. С согласия последней венгерские войска заняли территорию Подкарпатской Руси в течение нескольких дней (15–18 марта 1939 г.).

С установлением венгерского господства в Подкарпатской Руси официальным идеологическим курсом в регионе становится «угрорусинизм». В рамках данной концепции утверждалось, что местные русины являются отдельным славянским народом, которому одинаково чужды прорусские и проукраинские настроения. Постулировался тезис об исторической верности русинов идеям венгерской государственности. Как провозглашалось в официальном дискурсе, лишь в рамках Венгрии русины могли достичь культурного и экономического процветания. Любая попытка использования факта национально-культурной самобытности русинского населения в политических целях объявлялась вредной и опасной. Таким образом, «угрорусинизм» представлял собой попытку изолировать местное население от участия в широких русском и украинском национальных проектах [9: 4]. В этих условиях представителям радикального украинофильского направления становилось очевидным, что их нахождение на территории Подкарпатской Руси небезопасно.

Лидер украинофильского лагеря Подкарпатской Руси А. Волошин после событий марта 1939 г. переехал в Румынию, затем в Югославию. 22 марта он посетил венгерского посланника в Белграде Д. Бакач-Бешшенеи. Бывший президент Карпатской Украины просил помочь вернуться на родину примерно 200 беженцам и дать амнистию бывшим членам «Карпатской Сечи», благодаря чему ситуация в регионе, на его взгляд, должна была стабилизироваться. Также Волошин сообщил, что поскольку Карпатская Украина в ее границах не могла существовать как независимое государство, то еще осенью он пришел к решению, что присоединит ее к Венгрии. Через несколько дней, находясь в Загребе, бывший премьер-министр автономного правительства в переговорах с представителями местной политической элиты (в частности с В. Мачеком) уже говорил о другом: о трагедии Карпатской Украины, вероломном захвате этого государства Венгрией [14: 293–295].

Фигура А. Волошина, окруженная ореолом мученика в изгнании, вызывала беспокойство у венгерских властей, т. к. могла быть использована в пропагандистских целях представителями украинофильского лагеря. Этот факт подчеркивал консул Польши в Ужгороде Й. Штеньовский. В своем донесении посланнику в Будапеште от 12 мая 1939 г. он отмечал, что было бы разумно объявить амнистию А. Волошину и поселить его в одном из монастырей в Подкарпатской

Руси [14: 309]. Первое время Волошин оставался в Берлине, где с энтузиазмом отмечал возможность ведения украинской пропаганды и выражал свою готовность к участию в акциях саботажа в Польше. Однако вскоре политик был заподозрен в попытках налаживания контактов с окружением Э. Бенеша. В итоге практически весь период войны А. Волошин находился в Праге. От властей протектората Богемии и Моравии он получил 4 тыс. корон для работы в Украинском свободном университете [23: 177]. Волошин занимал должность заместителя декана философского факультета, как лектор читал следующие курсы: «Теория обучения», «Педагогическая телеология», «Отрывки из педагогической литературы», «Новая эра украинского просвещения», «Методология морального воспитания» [2: 369]. 14 октября 1941 г. комиссия профессоров факультета права и общественных наук единогласно присудила ему степень доктора права. В 1945 г. он непродолжительное время являлся ректором университета [16: 147]. Параллельно бывший лидер Карпатской Украины занимался литературной деятельностью, опубликовав или подготовив к печати ряд художественных и научных работ [2: 369]. А. Волошин оказывал содействие деятельности украинских образовательных институций. Не без его протекции продолжила свое функционирование Модржанская украинская гимназия, при которой было организовано общежитие для учащихся из Подкарпатской Руси (около 90 чел.) и других украинских регионов (около 120 чел.) [17: 131]. А. Волошин часто бывал в населенных пунктах, в которых проживали украинские дети. Так, в 1940 г. он посетил интернат для детей эмигрантов в Мозтанах [3: 26].

Протекторат Богемии и Моравии (прежде всего, его столица Прага) стал одним из центров концентрации активистов украинофильского движения из Подкарпатской Руси. Эвакуация из оккупированного венграми региона осуществлялась в крайне непростых условиях. Об этом свидетельствуют воспоминания известного ученого и общественного деятеля проукраинских взглядов В. Бирчака, опубликованные в Праге в 1940 г. В частности, Бирчак отмечал, что многие лица, эвакуация которых согласовывалась с представителями венгерских военных властей, в последний момент были арестованы. Сам автор мемуаров на непродолжительное время также подвергся аресту за свои проукраинские симпатии [1: 87–88].

Уже весной 1939 г. возникает ряд организаций, основная деятельность которых заключалась в попытках добиться от властей протектората трудоустройства бывших чиновников Карпатской Украины, выплаты им пособий и денежной помощи. Усилиями В. Шандора (в 1938–1939 гг. – представитель автономного правительства Под-

карпатской Руси при центральном правительстве Чехословакии в Праге) и С. Клочурака (занимал ряд министерских постов в автономных правительствах) была создана «Ликвидационная канцелярия правительства Карпатской Украины». Основной ее задачей стала помощь беженцам-украинофилам (чиновникам, учителям, актерам театра «Новая сцена», членам «Карпатской Сечи»), которых, согласно данным руководства канцелярии, было около 20 тыс. 31 марта 1939 г. от имени канцелярии было отправлено обращение в адрес правительства протектората Богемии и Моравии. В данном документе была высказана просьба обеспечения «всех государственных служащих украинской (русской) национальности должностями наравне с чехами». Всего в протекторате, по данным Клочурака, находилось около 260 бывших чиновников Карпатской Украины. Официальное разрешение на деятельность «Ликвидационная канцелярия правительства Карпатской Украины» получила только через три месяца. Параллельно С. Клочурак вел переговоры с представителями провластных кругов Германии об освобождении из тюрем и концлагерей членов «Карпатской Сечи». Благодаря деятельности Клочурака многие бывшие чиновники Карпатской Украины получили рабочие места, некоторые из них смогли вернуться в регион [11: 106–108].

В июне 1939 г. Земское управление Праги зарегистрировало еще одну организацию – «Ассоциацию эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии». С. Клочурак, сыгравший важную роль в становлении данной институции, вошел в ее ревизионную комиссию. Председателем ассоциации стал Ю. Комаринский. Выбор данной кандидатуры был неслучаен: в межвоенный период Ю. Комаринский занимал ряд чиновничьих должностей достаточно высокого уровня в Подкарпатской Руси (в частности, в конце 1920-х гг. был главой Мукачевского окружного управления), после переезда в протекторат, благодаря наличию историко-правового образования, получил работу в архиве Министерства внутренних дел. Кроме того, председатель ассоциации владел чешским, немецким, венгерским, русским, украинским, итальянским языками. Согласно уставу, цели «Ассоциации эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии» были следующими: защита национальных, правовых, моральных и культурных интересов своих членов, поддержка их морально и материально; организация лекций, театральных и песенных представлений, вечеров, экскурсий. Однако уже в октябре 1939 г. ассоциация прекратила свое существование. В то время гестапо, которое, в отличие от марионеточных властей протектората, зачастую принимало важные политические решения, распорядилось распустить «Центральный союз украинских организаций протекто-

рата Богемии и Моравии». Политическая полиция Третьего рейха ликвидировала организации (даже своих тактических союзников), которые проявляли излишнюю самостоятельность. «Ассоциация эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии», по сути, стала побочной жертвой данного решения. Кроме того, роспуск организации эмигрантов из Подкарпатской Руси должен был послужить демонстрацией добрых отношении Германии и Венгрии, которая была явно не в восторге от существования центра украинской ирреденты вблизи своих границ [19: 40–48].

Вопрос денежных выплат бывшим чиновникам Подкарпатской Руси и их возможного трудоустройства осложнялся тем, что нормативные правовые акты протектората Богемии и Моравии часто содержали противоречивые положения. 14 августа 1939 г. члены «Комитета помощи беженцам из Карпатской Украины» просили личной аудиенции президента протектората Э. Гахи для урегулирования данных вопросов, однако получили из Канцелярии президента отказ [18].

Очередная попытка добиться денежных выплат бывшим чиновникам из Подкарпатской Руси была предпринята «Комиссией по объединению украинских организаций в Праге». 9 сентября 1939 г. ее руководство обратилось с пространном письмом к Э. Гахе. В начале письма содержалась отсылка к распоряжению правительства протектората Богемии и Моравии от 23 июня 1939 г., согласно которому чиновники из бывшей Карпатской Украины украинской национальности, которые состояли в семейных отношениях с чехами или не были враждебно настроены к представителям чешской нации, могли получить финансовую помощь в размере половины прошлого заработка. Однако далеко не все заявители (их насчитывалось около 250) смогли получить данные суммы. Так, 80 % бывших чиновников, подчиненных Министерству внутренних дел, получили финансовую помощь, в то время как из 150 бывших преподавателей компенсацию от Министерства образования получили лишь несколько человек. Министерство здравоохранения выплатило помощь только пятерым бывшим чиновникам. По информации авторов письма, «отклонения решений производились без письменных обоснований или по причине того, что проситель был украинской национальности. Также некоторым было сказано, что они скрывали враждебное отношение к чешской нации в период Карпатской Украины и принадлежали к организации “Сечь”». По мнению авторов послания, в Подкарпатской Руси в межвоенный период наблюдалось мирное сосуществование чешского и украинского населения, а единичные случаи конфликтов были обусловлены напряженной политической атмосферой последних месяцев существования Чехословацкой Республики, ответствен-

ность за которую в равной степени несли чехи и украинцы. Утверждалось, что члены «Карпатской Сечи» стали основными защитниками Чехословакии от вторгавшихся венгерских войск: «Организация "Сечь" имела единственную цель – защиту Карпатской Украины от венгров. В этом было ее единство со всем населением Карпатской Украины, которое с оружием в руках боролось против присоединения Карпатской Украины к Венгрии и протестовало против лозунга о том, что Карпатская Украина добровольно и натуральным образом хочет возвратиться в рамки Короны Святого Стефана и сбросить двадцатилетнее чешское ярмо. Эта единственная цель большой карпатоукраинской нации никак не может трактоваться как враждебная чешской нации или республике. Однако случилось так, что в последние дни Карпатской Украины стало очевидно, что оборона региона, который был составной частью Чехословацкой Республики, ложится исключительно на плечи украинского элемента. Возникли недоразумения и проявления локальной и единичной вражды между чешским и украинским народами. Оборона населения Карпатской Украины, организованная по большей части "Сечью", имеет теперь историческое значение, т. к. часть той бывшей Чехословацкой Республики была венграми насильно отобрана против воли и при сопротивлении ее жителей. Во многих случаях этого не поняли, осознанно и неосознанно были созданы препятствия (со стороны чехов. – О.К.). В конце концов, следует отметить, что украинцы Карпатской Украины, несмотря на очень скромные людские и материальные ресурсы, вопреки всем тенденциям времени пытались не допустить отторжения этого куска земли от страны, в которой часть украинского народа жила наиболее свободно. <...> Раз и навсегда следует подчеркнуть, что с украинских земель по инициативе украинцев не был изгнан ни один чех, наоборот, пропагандировалась идея дальнейшего сотрудничества» [18].

Данный документ не оказал существенного влияния на власти протектората Богемии и Моравии. Было очевидно, что авторы письма, пытаясь в изменившихся реалиях продемонстрировать исторически обусловленную лояльность представителей радикального украинофильского движения Подкарпатской Руси к чехам, выдавали желаемое за действительное. В монографии польских историков М. Ярнецкого и П. Колаковского «"Украинский Пьемонт". Закарпатская Русь в период автономии 1938–1939 гг.» приводится множество примеров, подтверждающих желание радикальных членов «Карпатской Сечи» полностью порвать все связи с Прагой и добиваться построения независимого украинского государства. Для этой цели даже рассматривалась возможность отстранения от власти А. Волошина. Сечевики фактически подменили собой чехословацкую жандарме-

рию и армию. Например, И. Роман, один из лидеров «Карпатской Сечи», на вопрос офицера польской армии о планах парамилитарной организации ответил: «Готовимся к разгрому и изгнанию чехов». Сечевики нападали на арсеналы жандармерии и армии. В одной из таких акций 3–4 марта 1939 г. под Хустом участвовал будущий руководитель Украинской повстанческой армии Р. Шухевич [20: 229–232]. Подобные случаи не были единичными. В ночь на 14 марта 1939 г. формирования «Карпатской Сечи» начали вооруженный путч, сделав попытку захватить склады с оружием, объекты инфраструктуры, административные учреждения и разоружить полицию и жандармерию. Путчистам удалось захватить вокзал, почту и разоружить несколько чехословацких патрулей. Поднятые по тревоге генералом Л. Прхалой Хустский стрелковый полк и части 12-й чехословацкой стрелковой дивизии получили приказ восстановить порядок. На улицы Хуста были введены легкие танки и артиллерия чехословацкой армии, в городе шли настоящие уличные бои. Чехословацкой армии удалось сломить сопротивление сечевиков [15: 189]. Подобные факты демонстрировали полную несостоятельность доводов, изложенных в письме Э. Гахе членами украинской эмигрантской организации. Впрочем, кабинет А. Волошина предпринимал ряд шагов по нормализации отношений между чехами и автохтонным восточнославянским населением Подкарпатской Руси, но большинство из них не имели эффекта. Украинский историк Н. Вегеш в этой связи отмечает: «Чехи не воспринимали украинскую власть и ее решения, а украинцы стремились избавиться от "опеки", нередко используя для этого методы, которые противоречили чехословацкой Конституции» [4: 15].

20 ноября 1939 г. А. Волошин и С. Клочурак составили меморандум, который через министра транспорта И. Гавелку в начале декабря был передан президенту протектората Э. Гахе. В нем шла речь об обеспечении государственных служащих, принятых на работу в период функционирования автономного кабинета Волошина. В документе утверждалось, что еще до венгерской оккупации около 100 сотрудников не получили положенного жалования от чехословацкого правительства. Авторы меморандума тенденциозно заявляли, что проукраинский курс автономного правительства, значимую роль в реализации которого сыграли указанные чиновники, был предопределен настроениями жителей региона: «Под постоянно растущим давлением населения, требовавшего украинизации общественной жизни, а также из-за отъезда венгерских и мадьяризированных чиновников в отторгнутые земли (южная часть Подкарпатской Руси, отошедшая к Венгрии в результате Венского арбитража 2 ноября 1938 г. – О.К.) и возвращения чешских чиновников на исторические территории

правительство Карпатской Украины было вынуждено брать на работу новых сотрудников, частично из числа украинской эмиграции» [18]. Утверждения о «требованиях украинизации общественной жизни» со стороны жителей региона можно поставить под сомнение на основе анализа волошинского официоза «Новая свобода». В одном из номеров газеты автор невольно выражал неуверенность в «украинскости» населения Подкарпатской Руси: «Ряд фактов <...> свидетельствует о незнании украинского языка мадьяронским и русофильским учительством. <...> Много недобитков осталось у нас, которые и дальше работают среди украинской молодежи. <...> Плохое усвоение украинского языка в школах обусловлено живучестью старого режима. Что же мы, к большому сожалению, вынуждены констатировать? Ужасающую неграмотность в области украинского языка» [15: 187]. Ряд украинских историков признает наличие антидемократичных методов управления правительства Волошина, которые проявились в т. ч. в ликвидации русофильских институций. Так, С. Виднянский считает такие шаги автономного кабинета мерой защиты от агрессивного поведения соседей (Венгрии и Польши), которые пытались окончательно дестабилизировать ситуацию в регионе [5: 85–86].

Из Канцелярии президента меморандум был отправлен в президиум правительства. Автор пояснительной записки выражал сомнения в достоверности данных о якобы многомесечных задолженностях служащим Карпатской Украины. Чиновник также обращал внимание на тот факт, что, согласно циркуляру Министерства внутренних дел № 4824 от 10 октября 1939 г., все вопросы, касавшиеся русской, украинской и кавказской эмиграции, должны быть отнесены к компетенции тайной государственной полиции [18]. Следующий раз данный меморандум упоминается в документах архива Канцелярии президента республики спустя почти полтора года – в мае 1941 г. В отчете, составленном сотрудником Канцелярии президента, сообщалось, что 22 мая 1941 г. состоялся его телефонный разговор с чиновником президиума правительства Я. Нетрвалом. Последний напомнил о меморандуме А. Волошина и С. Клочурака и отметил, что, согласно циркуляру Министерства внутренних дел от 22 августа 1940 г., вопрос денежных выплат бывшим служащим Карпатской Украины должен был решаться Министерством финансов [18]. Больше о меморандуме Волошина и Клочурака материалов не сохранилось. Это дает основание предполагать, что поднятый в нем вопрос так и не был решен.

В начале декабря 1939 г. министр транспорта Й. Гавелка передал президенту протектората Богемии и Моравии Э. Гахе еще один меморандум, на сей раз за единоличным авторством С. Клочурака. В документе содержалась просьба о денежной помощи 13 врачам

из Подкарпатской Руси, которые после событий марта 1939 г. оказались на территории протектората, а также об их трудоустройстве: «Идет речь о верных гражданах бывшей республики, которые 20 лет несли службу в беднейшем ее регионе и продемонстрировали верность государству и чешской нации. Все они арийского происхождения и с 1925 г. являются членами Центрального объединения чешских врачей». Спустя почти год, 18 октября 1940 г., Министерство внутренних дел направило официальный ответ С. Клочураку. В документе содержалась информация о каждом из 13 врачей, упомянутых в меморандуме, и утверждалось, что власти протектората сделали все возможное для их обеспечения. Четверо бывших врачей (Н. Рачив, Д. Ясинчукова, А. Янисевская, И. Калужная) не обращались в Министерство социальных вопросов и здравоохранения с просьбой получить практику. Е. Голубец и С. Литов перебрались на работу в Германию, до этого власти протектората выплачивали им денежную помощь, равную половине предыдущего заработка. Пять человек (А. Гончаров-Гончаренко, Л. Литвин, И. Вовк, А. Плиташ, З. Плиташ) были трудоустроены. И. Очеретко, бывший окружной врач села Билки (округ Иршава), не получил рабочего места в протекторате, т. к. «в достаточной степени не овладел чешским языком и не сдал врачебный экзамен, что являлось необходимым условием получения должности окружного врача». М. Стаховский пожелал приступить к практике в Праге, но против выступили врачебная палата и магистрат города. Однако он мог повторно подать ходатайство о трудоустройстве в Праге или в любом другом населенном пункте [18].

Лидер украинофильского лагеря А. Волошин пытался добиться от властей протектората Богемии и Моравии улучшения собственного материального положения. В письме президенту протектората Э. Гахе (15 августа 1940 г.) он ходатайствовал о назначении ему пенсионных выплат за более чем сорокалетнюю педагогическую деятельность (в т. ч. на должности директора учительской семинарии в Ужгороде). Обращение бывшего президента Карпатской Украины в Министерство школьного образования и народного просвещения, казалось, возымело эффект: на основании действовавших законов 31 октября 1939 г. министр назначил Волошину постоянную пенсию и дал поручение Земскому школьному совету в Праге осуществить соответствующие выплаты. Однако выплаты так и не начали производиться. В Земском школьном совете сообщили, что пенсионные выплаты могут производиться только с разрешения Министерства финансов. При этом в Министерстве школьного образования и народного просвещения А. Волошина заверяли, что никакого согласования с Министерством

финансов не требовалось. Референт правительства Т. Паул в разговоре с Волошиным вспомнил «старые обиды», нанесенные интересам чехословацкого государства бывшим руководителем автономного правительства (в частности, отказ подписать государственный бюджет на 1939 г.). Это дало основание последнему подозревать власти протектората к предвзятости: «Здесь идет речь о мести за выполнение мною своих обязанностей в отношении края, интересы которого я как представитель правительства должен был защищать, поэтому нет причин так долго откладывать удовлетворение моей просьбы» [18]. 25 сентября 1940 г. Волошин обратился со вторым письмом к Э. Гахе, приведя новые аргументы государственно-правового характера. Письмо было направлено на рассмотрение председателю правительства протектората [18]. Информация о дальнейшей судьбе данного документа отсутствует.

А. Волошин не порывал связей с Подкарпатской Русью, входившей в то время в состав Венгрии. 3 ноября 1942 г. полицейский капитанат Ужгорода подготовил для 8-го отдела Министерства внутренних дел Венгрии пространный (почти 20 страниц) отчет о связях Волошина с жителями региона. Автором многих писем формально значился некто «Ференц Туряница», однако сотрудники полиции по почерку установили, что письма были написаны А. Волошиным. Проанализировав содержание корреспонденции, авторы отчета пришли к выводу, что пражский центр украинской эмиграции имел довольно широкую сеть информаторов в Подкарпатской Руси. В нее входили как рядовые симпатизанты украинофильского движения (учительница из Великого Березного О. Дутка, учитель Я. Гопко, монахиня-василианка из Хуста М. Гути и др.), так и довольно влиятельные в регионе лица (греко-католический епископ А. Стойка, члены организации «Подкарпатское общество наук» (ПОН). Судя по содержанию писем, проукраинские настроения Волошина не претерпели трансформации. По замечанию авторов отчета, его связывали «теплые, сердечные отношения» с членами ПОН [22]. Данная организация академического толка, активно пользовавшаяся поддержкой венгерских властей, в качестве цели своей деятельности декларировала развитие самобытной русинской культуры, разработку отдельного литературного языка [8: 93–94]. Показательно, что в работе ПОН приняли деятельное участие многие известные украинофилы. Для ограничения влияния русофилов на настроения жителей региона разработчики «угрорусинизма» привлекали к работе в провластных культурно-просветительских институтах отдельных умеренных украинофилов в случае отсутствия у них политических амбиций и отказа от открытого проявления симпатий идее независимого украинского государства. Лишенное политической

окраски украинофильское направление интеллектуальной мысли Подкарпатской Руси фактически не имело программных установок, принципиально отличавших его от лагеря сторонников «угрорусинизма» [9: 17]. По точному замечанию Н. Мушинки, после присоединения Подкарпатской Руси к СССР целая генерация писателей (например, Л. Демьян, А. Маркуш, Н. Ришко, В. Пипаш), действовавших в русле официального венгерского идеологического курса, органично влилась в украинскую советскую литературу [12: 49].

Наибольшую обеспокоенность у сотрудников полиции вызывали контакты А. Волошина с одним из активистов украинофильского движения М. Брацайко (в прошлом – член правления культурной организации «Просвита», член исполнительного комитета «Украинское национальное объединение», депутат сойма Карпатской Украины), который в то время проживал в Хусте. Анализ их переписки свидетельствует, что Волошин и выехавшие с ним в Прагу приближенные регулярно получали информацию о ситуации в Подкарпатской Руси, в то время как оставшимся в регионе украинофилам из протектората направлялась литература проукраинского содержания. В феврале – марте 1940 г. М. Брацайко с горечью сообщал А. Волошину об отказе венгерских властей легализировать «Просвиту» или создать подобную культурную организацию, делая вывод, что «людям не стоит ждать чего-то хорошего от П. Телеки (премьер-министр Венгрии. – О.К.)». Поведение чиновников характеризовалось в письме как «незаконное, противоправное и аморальное». Отмечалось давление на лиц, которые симпатизировали бывшему чехословацкому режиму или украинофилам. В заключение Брацайко рекомендовал Волошину «опасаться платных агентов, которые продали нас» (конкретные имена не назывались). В письме от 1 апреля 1940 г. М. Брацайко делился с А. Волошиным своими рассуждениями о выборах в парламент (несмотря на обсуждения этого вопроса во властных и общественных кругах, парламентские выборы в Подкарпатской Руси в период венгерской оккупации не проводились, депутаты кооптировались в парламент). Автор письма возражал против довольно популярного в украинофильской среде мнения о бойкоте выборов: «Народ не может быть пассивным, он должен голосовать, т. к. с пассивностью ни один народ не побеждал». Брацайко довольно самонадеянно рассчитывал, что из 11 мандатов минимум девять могли получить украинофилы. Для избирательной кампании, по мнению политика, требовалось минимум 100 тыс. пенгё [22: 176–177]. Естественно, оказавшиеся в протекторате украинофилы, которые сами находились в непрестом материальном положении, не могли оказать действенной помощи своим единомышленникам в Подкарпатской Руси.

Для некоторых украинофилов переписка с А. Волошиным обернулась большими проблемами. Житель Билок И. Игнатко (депутат автономного сойма Карпатской Украины) в 1939–1940 гг. находился под полицейским надзором. В 1941 г. у полиции вновь появились подозрения в поддержке И. Игнатко украинофильского движения. Вскоре появились доказательства – его переписка с «Ференцем Туряницей» (под данным псевдонимом скрывался А. Волошин). Волошин «в замаскированной, но жесткой форме» призывал И. Игнатко не отрекаться от проукраинских идей. Сам Игнатко в ответном письме «с воодушевлением сообщал о своем участии в украинском подпольном движении». В июле 1942 г. суд Мукачево приговорил его к четырем годам лишения свободы с последующим поражением в гражданских и политических правах на 10 лет [22: 184].

Бывшие члены автономного правительства Карпатской Украины предпринимали попытки повлиять на ситуацию в регионе, надеясь на помощь Германии [21: 250]. В ноябре 1939 г. Ю. Ревай, С. Клочурак, Ю. Перевузык и М. Долиной собрались в Праге в квартире А. Волошина. В ходе беседы произошел обмен мнениями относительно перспективы добровольного присоединения Карпатской Украины к независимой Словакии. В результате возникла идея обратиться к Германии с соответствующим меморандумом. Инициативу подготовки проекта взял на себя экс-министр внутренних дел Ю. Перевузык [13: 94].

Меморандум на имя И. Риббентропа был отправлен 30 ноября 1939 г. Авторы обращали внимание на факт национального, культурного и хозяйственного гнета, которому подвергалось украинское население региона со стороны венгров. Это, в свою очередь, увеличивало число сторонников присоединения к СССР, что проявилось в массовых нелегальных переходах советско-венгерской границы. Авторы меморандума следующим образом оценивали данный факт: «Это в конце концов может вызвать военную интервенцию со стороны Советского Союза под прикрытием освобождения братского народа Карпатской Украины». Волошин и его соратники видели в такой перспективе потенциальную угрозу безопасности всей Средней Европы. Единственным выходом для них представлялась федерация Карпатской Украины со Словакией, «население которой было родственно украинцам и на протяжении тысячелетий разделяло с ними одну судьбу». Особо подчеркивалось, что «союз Карпатской Украины и Словакии возможен только в случае, когда, кроме согласия Словакии, со стороны Великой Германской империи на Карпатскую Украину была бы расширена гарантированная защита». По мнению разработчиков проекта, позитивные результаты такого союза заключались бы в следующем: Карпатская Украина перестала бы быть субъектом

советской экспансии в Средней Европе; Германия получила бы на Востоке никем не контролируемый доступ к румынским источникам сырья; она приобрела бы больший вес в глазах мирового сообщества. Бывшие министры пытались убедить властные круги Германии, что такое решение было бы выгодно и Венгрии, т. к. она избавилась бы от дотационного в экономическом плане региона, население которого «не имело ничего общего с венграми как в этническом, так и в культурном, политическом или языковом отношении», а лишь представляло опасность своим участием в революционной деятельности. Для придания легитимности образованию федерации Карпатской Украины и Словакии предполагалось провести плебисцит под контролем Германии [13: 213–217]. Никакого ответа на данный меморандум экс-представители кабинета А. Волошина не получили.

На этом попытки Волошина повлиять на вопрос государственной принадлежности Подкарпатской Руси не прекратились. 27 мая 1940 г. в письме к Гитлеру он подчеркнул недопустимость наметившегося англо-советского сближения. Бывший президент Карпатской Украины считал, что Э. Бенеш должен был пойти на союз с немцами и реформатировать Чехословакию в реальную федерацию, в которой Карпатская Украина получила бы автономию. В письме к Гитлеру 11 июля 1941 г. Волошин изложил очередной план. В нем Подкарпатская Русь рассматривалась как плацдарм для создания независимого украинского государства, которое должно было стать монархией во главе с немецким кронпринцем. Последний взял бы себе украинское имя и стал бы греко-католиком. Данные предложения также остались без ответа [10: 81–83]. В политической части своего завещания (19 августа 1944 г.) А. Волошин отметил необходимость духовного единства своего народа, что подразумевало наличие единой греко-католической церкви. Лидер украинофильской эмиграции в протекторате выразил надежду на «политическую свободу своего народа, которая будет обеспечена взаимопониманием (федерацией) с соседними народами» [6].

Таким образом, основные векторы деятельности украинофильских эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии были следующими: институционализация своего движения на территории протектората, стремление добиться от властей финансовой поддержки для бывших чиновников и врачей Карпатской Украины, попытки влияния на национально-культурную и политическую жизнь в оккупированной Венгрии Подкарпатской Руси, поиск поддержки своих планов по изменению государственной принадлежности региона у властей Германии. Можно констатировать, что ни в одном из этих направлений украинофилы не имели успеха. Герма-

ния, несмотря на тактическую поддержку на определенных этапах украинского националистического движения, не рассматривала его представителей как равноправных союзников, ради которых было можно производить кардинальную перекройку карты Европы и портить отношения с Венгрией. Берлин имел определяющее влияние на политический и общественный ландшафт протектората и не допускал существования на его территории институций, которые демонстрировали излишнюю самостоятельность. Вследствие этого организации эмигрантов из Подкарпатской Руси либо ликвидировались решением гестапо, либо проявляли минимальную активность. Апелляция бывших лидеров Карпатской Украины (А. Волошина, С. Клочурака) к властям протектората с целью получения финансовой помощи бежавшим из Подкарпатской Руси чиновникам и докторам была обречена на провал. Во-первых, сами власти протектората обладали весьма ограниченными полномочиями, вся экономика квазигосударственного образования должна была работать в интересах Третьего рейха. Во-вторых, заверения украинофилов в дружбе и наличии «традиций мирного сосуществования украинцев и чехов» не выдерживали никакой критики. Чиновники протектората различных рангов, которые имели опыт взаимоотношений с членами автономного кабинета А. Волошина, не забыли многочисленных проявлений их антигосударственной (с точки зрения чехов) деятельности в октябре 1938 – марте 1939 г. В результате большинство прошений украинофилов годами кочевало по инстанциям протектората и осталось без удовлетворения. Попытки А. Волошина наладить широкую сеть корреспонденции с симпатизантами в Подкарпатской Руси были успешно пресечены венгерской полицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бірчак В. Карпатська Україна. Спомини й переживання. Прага: Нація в поході, 1940. 92 с.
2. Вегеш М. Августин Волошин і Карпатська Україна. Львів: ЗУКЦ, 2004. 414 с.
3. Вегеш М., Турияниця В. Короткий життєпис Августина Волошина (1874–1945 гг.). Ужгород: Ужгородський державний університет, 1995. 29 с.
4. Вегеш М.М. Закарпаття в контексті центральноєвропейської політичної кризи напередодні Другої світової війни: автореф. дис. д-ра іст. наук. Київ, 1998. 22 с.
5. Віднянський С. Карпатська Україна як етап українського державотворення // Український історичний журнал. 2019. № 2. С. 67–93.

6. *Волошин А.* Мій заповіт (тестамент). URL: <http://litopys.org.ua/volosh/volosh47.htm> (останній перегляд: 15.06.2020).

7. *Гейгер Б.Я., Сикачев Н.И.* Венгрия и Вторая мировая война. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 368 с.

8. *Казак О.Г.* Культурно-просветительские организации Подкарпатской Руси в национальной политике венгерских властей (1939–1944 гг.) // *Российские и славянские исследования: сб. науч. тр. Вып. 10.* 2015. С. 91–98.

9. *Казак О.Г.* Етнокультурное развитие восточнославянского населения Подкарпатской Руси в условиях венгерской оккупации (1939–1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2017. 25 с.

10. *Мандрик М.* Карпатський геополітичний чинник 1938–1939 рр. у системі міжнародної дипломатії // *З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ.* 2009. № 33. С. 22–85.

11. *Мушинка М.* Лицар волі. Життя і політично-громадська діяльність Степана Ключурака. Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 1995. 283 с.

12. *Мушинка М.* «Світлий дух Угорської Русі»: До 120-ліття з дня народження Гядора Стрипського // *Карпатський край.* 1995. № 1–4. С. 45–50.

13. *Офіцинський Р.* Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ: Інститут історії України НАН України, 1997. 244 с.

14. *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М.: Европа, 2006. 564 с.

15. *Шевченко К.В.* Мюнхенский сговор 1938 г. как катализатор насильственной украинизации русинов Чехословакии // *Мюнхен–1938: Падение в бездну Второй мировой.* М.: Кучково поле, 2018. С. 178–192.

16. *Федака С.Д.* Карпатська Україна: Документи і матеріали. Хроніка подій. Персоналії. Ужгород: Закарпаття, 2010. Т. 2. 776 с.

17. *Штефан А.* Августин Волошин – Президент Карпатської України. Тонро: Пробоем, 1977. 208 с.

18. *Archív Kanceláře Prezidenta. Inv. č. 1143. Sign. D 2388/41. Kart. 169. Podkarpatská Rus.*

19. *Hubený D.* Ztráta Podkarpatské Rusi na konci druhé světové války: Disertační práce. Praha, 2017. 398 s.

20. *Jarnecki M., Kotakowski P.* «Ukraiński Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017. 383 s.

21. *Magocsi P.R.* The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge: Harvard Ukrainian series, 1978. 640 p.

22. *Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára.* F. K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 175–194. old. *Magyar Királyi rendőrség ungvári kapitányságnak jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «Dr. Volosin Ágoston és társai előélete és magatartása», 1942. November 3.*

23. *Tilkovszky L.* Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon. (1938–1941). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 349. old.

REFERENCES

1. Birchak, V. (1940) *Karpats'ka Ukraïna. Spomini y perezhivannya* [Carpathian Ukraine. Memories and experiences]. Prague: Nacija v pohodi.
2. Vegesh, M. (2004) *Avgustin Voloshin i Karpats'ka Ukraïna* [Augustine Voloshin and Carpathian Ukraine]. Lviv: ZUKC.
3. Vegesh, M. & Turjanycja, V. (1995) *Korotkiy zhittepis Avgustina Voloshina (1874–1945 gg.)* [Brief biography of Augustine Voloshin]. Uzhhorod: Uzhhorod State University.
4. Vegesh, M.M. (1998) *Zakarpattya v konteksti tsentral'noevropeys'koi politichnoi krizi naperedodni Drugoi svitovoï viyni* [Transcarpathia in the context of the Central-European political crisis on the eve of World War II]. Abstract of History Dr. Diss. Minsk.
5. Vidnjanskyj, S. (2019) *Karpats'ka Ukraïna yak etap ukraïns'kogo derzhavotvorennya* [Carpathian Ukraine as a stage of Ukrainian state-building]. *Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal*. 2. pp. 67–93.
6. Voloshin, A. (n.d.) *Miy zapovit (testament)* [My will (testament)]. [Online] Available from: <http://litopys.org.ua/volosh/volosh47.htm> (Accessed: 15th June 2020).
7. Geyger, B.Ya. & Sikachev, N.I. (1962) *Vengriya i Vtoraya mirovaya voyna* [Hungary and the Second World War]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
8. Kazak, O.G. (2015). *Kul'turno-prosvetitel'skie organizatsii Podkarpatskoy Rusi v natsional'noy politike vengerskikh vlastey (1939–1944 gg.)* [Cultural and educational organizations of Subcarpathian Rus in the national policy of the Hungarian authorities (1939–1944)]. *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya*. 10. pp. 91–98.
9. Kazak, O.G. (2017) *Etnokul'turnoe razvitie vostochnoslavianskogo naseleniya Podkarpatskoy Rusi v usloviyakh vengerskoy okkupatsii (1939–1944 gg.)* [Ethnocultural development of the Eastern Slavic population of Subcarpathian Rus under the Hungarian occupation (1939–1944)]. Abstract of History Cand. Diss. Minsk.
10. Mandrik, M. (2009). *Karpats'kiy geopolitichniy chinnik 1938–1939 rr. u sistemi mizhnarodnoi diplomatii* [Carpathian geopolitical factor 1938–1939 in the system of international diplomacy]. *Z arkhiviv VUChK – GPU – NKVD – KGB*. 33. pp. 22–85.
11. Mushinka, M. (1995a) *Litsar voli. Zhittya i politichno-gromads'ka diyal'nist' Stepana Klochuraka* [Knight of the will. Life and socio-political activities of Stepan Klochurak]. Uzhhorod: Polichka “Karpats'kogo krayu”.
12. Mushinka, M. (1995b) “Svitliy dukh Ugors'koï Rusi”: Do 120-littya z dnya narodzhennya Giyadora Strips'kogo [“The bright spirit of Ugrić Rus”: On the 120th anniversary of the birth of Giador Stripsky]. *Karpats'kiy kray*. 1–4. pp. 45–50.
13. Ofitsinskiy, R. (1997) *Politichniy rozvitok Zakarpattya u skladi Ugorshchiny (1939–1944)* [Political development of Transcarpathia in Hungary (1939–1944)]. Kyiv: Institute of Ukrainian History of the National Academy of Sciences of Ukraine.

14. Pushkash, A.I. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e v 1918–1945 gg.* [Civilization or barbarism. Transcarpathia in 1918–1945]. Moscow: Evropa.

15. Shevchenko, K.V. (2018) Myunkhenskiy sgovor 1938 g. kak katalizator nasil'stvennoy ukrainizatsii rusinov Chekhoslovakii [The Munich Agreement of 1938 as a Catalyst for the Forced Ukrainization of the Rusyns of Czechoslovakia]. In: Nazarov, O. (ed.) *Myunkhen – 1938: Padenie v bezdnu Vtoroy mirovoy* [Munich – 1938: Fall into the abyss of WWII]. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 178–192.

16. Fedaka, S.D. (2010) *Karpats'ka Ukraïna: Dokumenti i materialy. Khronika podiy. Personalii* [Carpathian Ukraine. Documents and materials. Chronicle of events. Personalities]. Vol. 2. Uzhhorod: Zakarpattya.

17. Stefan, A. (1977) *Avgustin Voloshin – Prezident Karpats'koï Ukraïni* [Augustine Voloshin – President of the Carpathian Ukraine]. Toronto: Probojem.

18. Archív Kanceláře Prezidenta. Inv. č. 1143. Sign. D 2388/41. Kart. 169.

19. Hubený, D. (2017) *Ztráta Podkarpatské Rusi na konci druhé světové války*. Diss. Prague.

20. Jarnecki, M. & Kotakowski, P. (2017) “*Ukraiński Piemont*”. *Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM.

21. Magocsi, P.R. (1978) *The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948*. Cambridge: Harvard Ukrainian series.

22. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. Fund K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 175–194. old.

23. Tilkovszky, L. (1967) *Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon. (1938–1941)*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, председатель цикловой комиссии преподавателей учебных дисциплин общественно-гуманитарного цикла Минского городского педагогического колледжа (Беларусь).

Oleg G. Kazak – Minsk City Pedagogical College (Belarus).

E-mail: olegkazak90@tut.by